

2190

Исторический

журнал

№ 2

1937 год

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Бывший журнал
„Борьба классов“

7-й год издания

№ 2 февраль 1937 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

ПОДЛАЯ ТРОЦНИСТСКО-ФАШИСТСКАЯ БАНДА

1

Боевой работой Народного комиссариата внутренних дел во главе с тов. Н. И. Ежовым, работой советской прокуратуры и Верховного суда СССР разгромлена фашистская агентура внутри страны, ставившая своей задачей насилиственное свержение советской власти, реставрацию капитализма в СССР и превращение нашей страны в колонию германского и японского империализма.

С 23 по 30 января 1937 года Военная коллегия Верховного суда СССР разбирала дело контрреволюционеров-троцкистов, предателей родины, убийц, вредителей, шпионов и диверсантов: Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова и других бандитов.

Великим гневом были наполнены сердца трудящихся нашей великой родины и трудящихся всего мира по отношению к этой кровавой своре, преступления которой безмерны и превосходят все, что до сих пор знала история. Суд показал, что подлеи из подлых убийцы С. М. Кирова, агенты фашизма, расстрелянные по приговору пролетарского суда в августе 1936 года — Зиновьев, Каменев, Смирнов, Мрачковский и др., — не сказали всей правды советскому суду. Они обманули суд, скрыв существование подвизавшегося рядом и в союзе с ними «параллельного центра» в составе Пятакова, Радека, Сокольникова и Серебрякова, выполнявшего самые черные дела по заданиям союзника фашистов Троцкого. Каменев, Зиновьев, Мрачковский и другие бандиты утаили, что занимались шпионажем, диверсией, вредительством, изменяли родине вкупе с злодеями из «параллельного центра». Сокольников на процессе антисоветского троцкистского центра показал, что был предупрежден Каменевым о том, что к нему в Наркоминдел явится представитель одной из капиталистических держав для переговоров о шпионской и диверсионной работе против Советского союза. Уже кемеровский процесс в ноябре 1936 года выявил, что контрреволюционеры-троцкисты, по прямым указаниям цепного пса фашизма Троцкого, под руководством своего «параллельного центра» вместе с германскими диверсантами взрывали шахты, отравляли и убивали лучших рабочих-стахановцев.

П. Софинов

А. С. Пушкин. Портрет работы Трубецкого.

А. С. Пушкин, которого глубоко интересовали вопросы истории его родины, в основном сосредоточил свое внимание на следующих трех периодах: смутном времени, эпохе Петра I и восстании Пугачева. То, что Пушкин остановился именно на этих периодах, обясняется тем, что они характеризовались рядом драматических эпизодов и являлись наиболее бурными в истории страны. Они несли изменения во взаимоотношениях сословий, порождали новые порядки, выдвигали сильных волей людей. Изучая эти этапы в истории России, Пушкин пытался найти ответы на мучившие его вопросы современности. Кроме того сложный переплет взаимоотношений в прошедших эпохах давал Пушкину возможность при помощи аналогий завуалированно выражать свое мнение о существующих порядках.

По своим политическим убеждениям Пушкин вместе с декабристами, взгляды которых он разделял, являлся непримиримым врагом самодержавно-

А. С. ПУШКИН— ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПУГАЧЕВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

крепостнического строя. Если в лице Петра I наряду с норицанием жестокости «нетерпеливого, самовластного помещика»¹ он еще отдавал должное великому преобразователю, приблизившему Россию к Европе, то последующие царя называл «ничтожными наследниками»². Безграмотная Екатерина I, сладострастная Елизавета, жестокая и развратная Екатерина II, которую «даже голос обольщенного Вольтера не спасет от проклятия России», «плешивый щеголь» Александр, холодный и пустой Николай вызывали горячую и искреннюю ненависть поэта.

Пушкин вместе с декабристами был сторонником конституции, которая обеспечивала бы политическую свободу, в том числе свободу и крестьян. В 1821 году в одной из своих черновых записей Пушкин писал: «Консти-

¹ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VII, стр. 600. Изд. «Просвещение», 1909.

² Там же, стр. 20.

туции... представляют шаг вперед в развитии человеческой мысли и этот шаг не будет единственным...»¹.

Не одобряя в целом взглядов Радищева, Пушкин находил у него все же много созвучных мыслей. Радищев в своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» рассказывает об одном помещике, который нечеловеческой эксплуатацией крепостных крестьян все больше и больше расширял свои владения. Пушкин вспоминает, что и ему был знаком подобный помещик. Этот помещик свою жестокую практику обяснял филантропическими целями. Он хотел «приучить» крестьян к труду, а потом «даровать им права», «судьба не позволила ему исполнить его предначертания,— иронически замечает поэт,— он был убит своими крестьянами во время пожара»².

В другом месте Радищев говорит о позорной торговле людьми («продаваться будет... дом... и при нем б душ мужского и женского полу»). А. С. Пушкин замечает: «Картина ужасная тем, что она правдоподобна». Пушкин, так же как и Радищев, ненавидит крепостничество. В этой связи становится понятным живой интерес Пушкина к таким крестьянским движениям, как движения Разина и Пугачева.

1

Интерес к вопросам крестьянского движения XVIII века появляется у Пушкина еще в середине 20-х годов³.

Еще в 1824 году поэт писал брату о Разине как о «единственно поэтическом лице русской истории». В другом письме он просит брата прислать ему «Жизнь Емельки Пугачева»⁴.

В своих воспоминаниях о 1826 году княгиня Волконская писала: «Пушкин

¹ А. С. Пушкин. Сочинения, Кн. 11-я, стр. 411. «Красная птица». 1930.

² Там же, стр. 372.

³ Неправ поэту проф. Томашевский, который утверждает в написанной им биографии Пушкина, будто бы интерес к крестьянскому «бунту» возник у Пушкина лишь в 1830 году, в связи с так называемыми холерными волнениями. См. «Сочинения А. С. Пушкина» (однотомник). 1936.

⁴ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VIII, стр. 75, 77. 1909.

мне говорил: я намерен написать книгу о Пугачеве. Я поеду на место, перееду через Урал, поеду дальше и явлюсь к Вам в нерчинских рудниках»⁵.

Пушкин тщательно записывал народные сказания и песни о Разине и Пугачеве. В 1827 году он сделал попытку напечатать три песни о Степане Разине, но царь запретил их печатать. Бенкendorf сообщил поэту заключение Николая по этому поводу: «Песни о Стеньке Разине, при всем своем поэтическом достоинстве, по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того, церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева»⁶.

Несмотря на такой ответ, уже в 1831 году Пушкин вновь включает в план издания «Исторических песен» песни о Разине.

Крестьянские волнения 30-х годов дали Пушкину дальнейший толчок к началу исторических изысканий по вопросу о восстании Пугачева.

В 1831 году вспыхивали волнения в Судогодском, Ковровском и Муромском уездах, Владимирской губернии, в Чистопольском уезде, Казанской губернии, в Псковском уезде, в Тамбовской, Петербургской и Новгородской губерниях. В самом Новгороде в этом же году произошло восстание военных поселенцев, вызванное созданием карантинов и рядом других мероприятий администрации по борьбе с чумой, ухудшивших и без того тяжелое положение населения.

В «Кратком обзоре общественного мнения», составленном III отделением, за этот период отмечалось: «Среди крестьян циркулирует несколько пророчеств и предсказаний. Они ждут своего освободителя... и дали ему имя Метелкина. Они говорят между собой: Пугачев попугал господ, а Метелкин— пометет их»⁷.

Пушкин не мог не замечать этих событий. Он чувствовал напряженное положение в стране. В записках за 1831 год он отмечает: «В прошлом

⁵ «Записки княгини М. Н. Волконской», стр. 216. 1904.

⁶ «Дела III отделения Е. И. В. канцелярии об А. С. Пушкине», стр. 55. СПБ. 1906.

⁷ Центрархив «Крестьянское движение 1827—69 годов», в. I, стр. 9. 1931 г.

Михометов Борис.

Брате Карле Бенкендорфе

Р. Бенкендорф Генерал-Консул
ратора Восстания. Поводом к
известиям оудачного вине Семёнова
была то, Михометов Борис, отдал
шись к Генералитету Казанской
стражной Див. избранного письма
поэта. Путачеву солдата.

Пушкин — в дополнение отважных
ко Среднему начальству для посыпки
истории Императора Петра Первого.

представляет в
им приватный
распорядок
и изложение
одинаково честно
бывшего Генерала
заслуженного мужа
Генерала Генерала

Санкт-Петербург
20 Февраля 1831 г.

Служебное письмо Бенкендорфа к министру
Пушкина в коллегию иностранных дел. иностранных дел Нессельроде о зачислении
1831 год.

году карантины остановили промышленность, приехали в нищету подрядчиков и извозчиков, и чуть не взбунтовали 16 губерний». 23 июля в том же дневнике он записывает: «...Восемь полков, возмущившихся в Старой Руссе, получили повеление идти в Гатчину»¹.

В такой обстановке Пушкин приступает к работе над «Историей Пугачева».

Больше четверти века имя Пугачева запрещалось произносить в царской России. В царствование Александра I появились первые, робкие попытки заговорить об этом восстании. Но до пушкинской «Истории Пугачева» литература об этом восстании была крайне скучна, тенденциозна и никак не могла удовлетворить серьезно-

го исследователя. Сам Пушкин так характеризовал имеющуюся по этому вопросу литературу: «...история Пугачевского возмущения мало известна. В Записках о жизни и службе А. И. Бибикова мы находим самое подробное известие об оном; но сочинитель довел свой рассказ токмо до смерти Бибикова. Книжка, изданная под заглавием: Михельсон в Казани, есть не что иное, как весьма любопытное письмо архимандрита Платона Любарского, напечатанное почти без всякой перемены, с приобщением незначущих показаний. Г. Левшин, в своем Историческом и статистическом обозрении уральских казаков, слегка коснулся Пугачева. Сей кровавый и любопытный эпизод царствования Екатерины мало известен»².

¹ А. С. Пушкин. Сочинения. Кн. 11-я, стр. 491. «Красная птица». 1930.

² «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VII, стр. 233. 1909.

В черновом наброске предисловия к «Истории Пугачева», опубликованном в «Правде» от 6 февраля 1937 года, Пушкин также подчеркивает недовольствительность и пристрастность литературы об этом восстании.

К перечисленным выше работам надо добавить еще несколько, тоже хорошо известных Пушкину:

- 1) «Известия о азовском нашествии на город Казань бунтовщика Емельки Пугачева», напечатанные в 1830 году в «Прибавлениях к «Казанскому вестнику» и представляющие собой выдержку из упоминавшегося письма Платона Любарского;
- 2) «Оборона Яика от партии мятежников» — статья в XIX томе «Отечественных записок» за 1824 год;
- 3) Броневский «История Донского войска»;
- 4) Тенненберг «Жизнь Екатерины II» и
- 5) «Указы Екатерины и сената».

Однако и эти работы ничего существенного не вносят в историческую науку и ограничиваются только упоминанием о Пугачеве, причем даже в этих коротких упоминаниях допускаются грубейшие изоражения истории восстания. Естественно, Пушкин не мог ограничиться имеющимися работами и должен был искать других источников. Он нашел их в архивах и в народе.

О своих приемах исследования Пушкин рассказывает: «Я прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов *in folio* разных рукописей, указов, донесений и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи мою описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь поверяя их дряхлеющую память историческую критикою»¹.

Архивы, конечно, являлись основным источником для составления «Истории Пугачева». Пушкин придавал им огромное значение. В одном из писем к М. Погодину о богатствах архивов он восторженно восклицает: «Сколько отдельных книг можно составить тут, сколько творческих мыслей тут могут развиться!»².

¹ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VII, стр. 557. 1909.

² «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VIII, стр. 289. 1909.

Необходимо отметить, что доступ к этим материалам был чрезвычайно затруднен. Достаточно сказать, что без разрешения царя в такой архив, как Государственный или Сенатский, никто не допускался.

Пушкин сделал было однажды попытку получить секретные материалы о Екатерине II. Он «попросил разрешения через одного из министров. Николай сразу ответил решительным отказом: «На что ему эти бумаги? Они лежат в архиве нетронутыми с того времени, когда моя бабка приказала положить их туда, собственноручно их запечатав. Даже я их не читал. Пушкин может обойтись без них. Не желает ли он извлечь оттуда скандальный материал в параллель песне Дон-Жуана, в которой Байрон обесценил память моей бабки? Ну нет!»

Выслушав такой ответ, переданный ему министром, Пушкин сказал:

«Я не думал, что он прочел «Дон-Жуана» Байрона»³.

Пушкин ясно себе представлял, что, оставаясь в таком положении, в каком он был до 1831 года, то есть не состоя на службе, он не сможет получить не только материалы о Пугачеве, но и вообще никакие материалы. Таким образом, желание получить доступ в архивы было одной из причин поступления А. С. Пушкина на службу.

В июле 1831 года он пишет письмо о своем решении Бенкendorfu, в котором говорит: «...Более соответствовало бы моим занятиям и склонностям дозволение заняться историческими изысканиями в наших Государственных Архивах и Библиотеках. Не смею и не желаю взять на себя звание Историографа после независимого Карамзина, но могу со временем исполнить давнее мое желание написать историю Петра Великого и его наследников до Государя Петра III»⁴.

Предложение Пушкина соответствовало интересам Николая: царь лелеял тщеславную мечту сделать великого поэта России придворным поэтом. Бенкendorf еще в 1827 году с циническим откровением писал царю о Пуш-

³ Цит. по статье Щеголова «Пушкин и Тардиф». Журнал «Звезда» № 7 за 1930 год.

⁴ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VIII, стр. 255. 1909.

Д Е Л О

*о допущении к занятиям в архиве
Александра Пушкина для изыскания
материалов по истории Петра Первого
и в проклятии угла о пугачевских
бумагах, также о применении тома для
известного государственного архива
отличных дел*

СПБ
Государственный Архив
М.И.Д.

Дело о допущении Пушкина к занятиям
в Государственном архиве.

кине: «...Он все-таки порядочный шелопай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно¹. К тому же опасно было оставлять Пушкина независимым. «Лучше, чтобы он был на службе, нежели предоставлен самому себе», — советовал Бенкendorf Николаю.

Николай согласился на зачисление Пушкина в коллегию иностранных дел «с позволением рыться в старых архивах для написания истории Петра Первого».

Пушкин был зачислен на службу 14 ноября 1831 года. Вопрос же о допуске его в архивы разрешился только в январе следующего года. 12 января министр иностранных дел Нессельроде в своем докладе царю спрашивал: «Благоугодно ли будет Вашему Императорскому величеству, чтобы титуллярному советнику Пушкину открыты были все секретные бумаги времен императора Петра I, в здешнем архиве хранящиеся, как то о первой супружуре его, о царевиче Алексее Петровиче, а также дела бывшей тайной канцеля-

рии». Николай ответил, что секретные бумаги времен Петра I могут быть открыты А. С. Пушкину только по назначению министра внутренних дел Блудова, причем «чтобы он прочтением оных и составлением из них выписок занимался в коллегии иностранных дел и ни под каким видом не брал бы вообще всех взеряемых ему бумаг к себе на дом»².

Таким образом, Блудов являлся как бы предварительным цензором материалов, выдаваемых Пушкину.

2

Воспользовавшись позволением «рыться в архивах», Пушкин тайно от всех отложил на время в сторону задание написать историю Петра I и занялся сбором материалов о волновавшем его восстании крестьян под руководством Пугачева. Этим и обясняется тот факт, что среди материалов истории Петра нет почти выписок из архивных документов.

Пушкин, как мы уже сказали выше, тщательно скрывал от царя и его министров свою работу над историей Пугачева. И Николай I действительно ничего о ней не слышал. Впоследствии на одном из балов он сказал Пушкину: «Жаль, что я не знал, что ты о нем пишешь, я бы тебя познакомил с его сестрицей, которая тому три недели умерла в крепости...»³.

¹ «Пушкин. Документы Государственного и СПБ Главного архивов министерства иностранных дел 1831—34 гг.», стр. 17—18. СПБ. 1900.

² По решению сената, семья Пугачева: первая жена Софья, сын Трофим, дочери Аграфена и Христина и вторая жена Устинья — в 1775 году были заключены в Кексгольмскую крепость (Финляндия). Коллежский советник Макаров, обследовавший крепость в декабре 1796 года, сообщил Павлу I о заключенных, что они «с 1775 года содержатся в замке, в особливом покое, а парень на гауптвахте, в особливой комнате. Содержание имеют от казны 15 коп. в день, живут порядочно. Жена Софья 55 лет, Устинья около 36, девка одна 24-х, другая 22-х, малый же лет от 28 до 30...»

Семья Пугачева подвергалась всяческим издевательствам. В 1796 году комендант крепости изнасиловал старшую дочь Аграфену. Родившегося ребенка Гофман решил уничтожить. Когда убийство не удалось, Гофман заставил девушку показать на унтерофицера Григория Шупинского и сообщил об этом че-

¹ Цит. по работе Вересаева «Пушкин в жизни». Вып. 2-й, стр. 91.

Материалы для «Истории Пугачева» А. С. Пушкин получал под видом работы над историей Суворова.

Повидимому, в начале февраля 1833 года Пушкин просил у военного министра графа А. И. Чернышева позволения пользоваться документами о Суворове и получил положительный ответ. Об этом свидетельствует письмо Пушкина Чернышеву от 9 февраля 1833 года: «Приношу вашему сиятельству искреннейшую благодарность за внимание, оказанное к моей просьбе. Следующие документы, касающиеся истории графа Суворова, должны находиться в архивах Главного Штаба: 1) Следственное дело о Пугачеве, 2) Донесения гр. Суворова во время кампании 1794 г., 3) Донесения его 1799 г., 4) Приказы его по войскам. Буду ожидать от вашего сиятельства дозволения пользоваться сими драгоценными материалами»¹.

Запрошенные документы хранились в Петербургском архиве инспекторского департамента и в московском его отделении.

25 февраля из Петербургского инспекторского архива были присланы Пушкину три дела, два из них представляли собой переписку Военной коллегии с местной администрацией о восстании Пугачева, численности его войск, манифесты и т. п., третье же содержало донесения Суворова за 1789, 1790 и 1791 годы.

Был сделан запрос в Москву, и оттуда вскоре прислали донесения Суворова за 1794, 1799 и 1800 годы. Пушкин, повидимому, ими особенно

рез генерал-прокурора Куракина Павлу. Позднее, когда роль Гофмана выяснилась, царь оставил дело без последствия (сведения извлечены из дел № 526 и № 515, VI ф. Государственного архива).

В 1826 году были еще живы обе дочери Пугачева. Заключенный в Кексгольмскую крепость декабрист Горбачевский писал, что сосланные декабристы «застали в башне двух дочерей знаменитого Пугачева, казненного в Москве в 1775 году. С тех пор содержались там эти две жертвы» (см. «Записки декабриста Горбачевского», стр. 295. М. 1916). О сестре Пугачева упоминавший в документах нет. По всей вероятности, в 1833 году умерла последняя из дочерей Пугачева.

¹ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VIII, стр. 287. 1909.

не интересовался, так как, бегло отблагодарив за их присыпку, вновь просил материалы, касающиеся Пугачева. Он пишет Чернышеву в письме от 8 марта 1833 года: «В бумагах касательно Пугачева, полученных мною пред сим, известия о нем доведены токмо до назначения генерал-аншефа Бибикова, но донесений сего генерала в Военную коллегию, также как и рапортов кн. Голицына, Михельсона и самого Суворова, тут не находится. Если угодно будет вашему сиятельству очные донесения и рапорты (с января 1776 г.² по конец того же года) приказать мне доставить, то почу сие за истинное мне благодеяние»³.

В Москву был сделан второй запрос, и 29 марта Пушкин получил новые материалы.

Всего из Инспекторского архива и Московского его отделения Пушкин получил двенадцать дел, которые тщательно изучил. Но материала явно не хватало. Изученные документы отражали главным образом военную сторону первого периода восстания. Не были использованы главные материалы, материалы следствия и суда над Пугачевым. Пушкин знал, где они хранились, и впоследствии часть их прочитал, но во время работы над книгой он не решался его потребовать, чтобы раньше времени не раскрыть свои карты.

Стремясь получить как можно больше сведений о восстании Пугачева, Пушкин обращался за помощью к своим знакомым. Последние присыпали ему документы из своих коллекций. Так например Спасский, Лажечников и Языков присыпали ему три списка рукописи академика Рычкова, Вяземский — неизвестное письмо Бибикова к Фонвизину, Бантыш-Каменский — биографию Пугачева и целый ряд других материалов. В августе 1833 года Пушкин предпринял

² Здесь у Пушкина явная ошибка. Следует читать: «с января 1774 г.». Бибиков прибыл в Казань в конце 1773 года, и с января следующего года донесения его должны были поступать в Военную коллегию. В апреле 1774 года Бибиков уже умер, да и сам Пугачев, как известно, казнен 10 января 1775 года.

³ «Сочинения и письма Пушкина» Т. VIII, стр. 289. 1909.

Министр Труда.

Василий Аксаков

Член магистерства по делам
Уральского края и горных
дел

Губернатор Оренбургский писал мне
запиской, что вчера в Оренбурге
был избран новый Городской голова
по единогласию избирателей
из бывшего Городского головы
и членов Городской управы
Городской головой избран Пушкин

27. 10. 1833
24. 11. 1833
1. 12. 1833

Губернатор
Уральской губернии
Городской голова
Городской голова

Письмо Пушкина к директору Государственного архива В. А. Поленову. 1833 год.

специальную поездку на место путя-
чевского восстания¹. Здесь он вместе
с Далем об'ездил всю линию оренбург-
ских крепостей, беседовал со стари-
ком Дмитрием Пьяновым, сыном
участника восстания Дениса Пьяно-
ва. В г. Берды он беседовал с казач-
кой, помнившей Пугачева, и записы-

вал сложенные о нем в народе песни.
Из Оренбургского архива Пушкин из-
влек несколько чрезвычайно ценных
документов, в частности показания о
Пугачеве крестьянина Алексея Кирил-
лова от 6 октября 1773 года. По до-
роге из Нижегородского архива
Пушкин получил «Рапорт инвалидных
офицеров секунд-майора Алтуфьевы и
капитана Беляева и 20 офицеров».

¹ За Пушкиным даже во время его поездки в Оренбург хотели установить негласный надзор. Пушкин уже выехал из Оренбурга, когда там получили распоряжение о наблюдении за ним. На этом отношении оренбургский генерал-губернатор Перовский написал: «Отве-
тчать, что сие отношение получено че-
рез месяц по отбытию г. Пушкина от-
сюда, а потому, хотя во время кратко-
временного его в Оренбурге пребыва-
ния и не было за ним полицейского
надзора, но как он останавливался в мо-
ем доме, то я тем лучше могу удостове-
рить, что поездка его в Оренбургский
район не имела другого предмета, кроме
пушечных ему исторических изысканий»
«Русская старина» за 1883 год. Кн. 1-я,
стр. 78).

Таким образом, занявшиись исследо-
ванием истории Пугачева, Пушкин
кропотливо собирали материал и тща-
тельно его обрабатывал. Впоследствии
он сам говорил, что на составление
168 страничек он потратил два года.

В конце 1833 года Пушкин окон-
чил «Историю Пугачева» и 6 декабря
передал ее на рассмотрение Нико-
лаю. Он писал по этому поводу Бен-
кендорфу: «Я думал некогда написать
исторический роман, относящийся к
временам Пугачева; но, нашед мно-
жество материалов, я оставил вымы-
шленные

сел и написал Историю пугачевщины.

О смеливаюсь просить через Ваше Сиятельство дозволение представить оную на Высочайшее рассмотрение. Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать; но смею надеяться, что сей исторический отрывок будет любопытен для Его Величества, особенно в отношении тогдашних военных действий, доселе худо известных»¹.

Николай прочел рукопись чрезвычайно внимательно, сделал ряд замечаний и тщательно вычеркнул такие эпитеты, применяемые Пушкиным к Пугачеву, как «славный» или «бедный», предложив заменить их более «подходящими». Самое название рукописи «История Пугачева» Николай переименовал в «Историю пугачевского бунта», так как считал, что такой человек, как Пугачев, не может иметь истории.

С целым рядом изменений и вычерков рукопись была разрешена к печати.

3

В период, когда Пушкин работал над Пугачевым, положение его как общественное, так и бытовое все больше и больше осложнялось. Долги, зависимость от правительства, пронески жандармов, доходившие до того, что читались личные письма Пушкина, угнетали поэта и отправляли ему жизнь. У него зарождается мысль об отставке. 15 мая 1834 года он пишет жене: «Дай бог тебе мне увидеть здоровою, детей целых и живых! Да плонуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином! Неприятна зависимость; особенно, когда лет 20 человек был независимым». 8 июня он вновь пишет жене: «...я не должен был вступать в службу, и, что еще хуже, отутить себя денежными обязательствами... Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым им можно поступать, как им угодно. Опала легче презрения»².

¹ «Сочинения и письма А. С. Пушкина», Т. VIII, стр. 310. 1909.

² Там же, стр. 331.

К концу июня решение об отставке вполне созрело, и Пушкин написал просьбу об этом Бенкендорфу. Удерживать поэта силой не было никакого расчета. Решили пригрозить немилостью и запрещением заниматься в архивах. 30 июня Бенкендорф сообщал Пушкину: «...На просьбу Вашу о предоставлении Вам в отставке права посещать Государственные архивы для извлечения справок Государь Император не изъявил своего соизволения, так как право сие может принадлежать единственно людям, пользующимся особенною доверенностью начальства»³.

Угроза неприятно подействовала на поэта. Он писал 4 июля Жуковскому по поводу письма Бенкендорфа: «...Получил официальное извещение о том, что отставку я получу, но что вход в архивы мне будет запрещен. Это огорчило меня во всех отношениях»⁴.

По совету Жуковского, Пушкин взял отставку назад.

В декабре 1834 года пушкинская «История Пугачева» вышла в свет. Встречена она была довольно холодно. В своем дневнике Пушкин записал: «В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге, как о возмутительном сочинении...»⁵.

Уваров чутьем помещика-крепостника почувствовал опасность в книге Пушкина.

Характерной чертой всех указанных нами выше работ о Пугачеве был идеалистический подход к оценке личности Пугачева и самого восстания 1773—1774 года.

В литературе господствовало выгодное для дворянства представление о Пугачеве, как о каком-то нравственном и физическом уроде, человеке с кровожадным инстинктом, поднявшем ради своих честолюбивых замыслов восстание казаков и крестьян.

³ «Дела III отделения Е. И. В. канцелярии об А. С. Пушкине», стр. 139. СПБ. 1906.

⁴ «Сочинения и письма А. С. Пушкина», Т. VIII, стр. 338. 1909.

⁵ «Дневник А. С. Пушкина», стр. 69. М. и П. 1923.

Броневский в «Истории Донского войска» характеризует Пугачева следующим образом: «Нравственный мир, так же как и физический, имеет свои феномены, способные устрашить всякого любопытного, дерзающего рассматривать сие. Если верить философам, что человек состоит из двух стихий, добра и зла, то Емелька Пугачев бесспорно принадлежал к редким явлениям, к извергам, вне закона природы рожденным; ибо в естестве его не было и малейшей искры добра, того благого начала, той духовной части, которые разумное творение от бессмысленного животного отличают. История сего злодея может изумить порочного и вселить отвращение даже в самых разбойниках и убийцах, но вместе с тем доказывает, как низко может падать человек и какою адскою злобой может быть преисполнено его сердце»¹.

Пушкин, рассматривая пугачевское восстание с других позиций, по-иному осветил и причины восстания и личность его руководителя.

По поводу процитированного выше определения Броневским личности Пугачева Пушкин писал: «Политические и нравоучительные размышления, коими г. Броневский украсил свое повествование, слабы и поныне, и не вознаграждают читателей за недостаток фактов, точных известий и ясного изложения происшествий»².

Этот общий отзыв принимает более конкретные формы, когда Пушкин критикует «Записки о жизни и службе А. И. Бибикова».

На странице 245 «Записок» мы читаем: «Сын его Емельян, родившийся в 1729 году, одарен был от природы непривычайною силой телесною, мужеством и чрезмерным честолюбием!» Пушкин подчеркивает слова «чрезмерным честолюбием» и ставит на полях две черточки.

Почему Пушкин отмечает именно эти слова? Ответ мы находим на следующей странице. Здесь «Записки» гласят: «После взятия сего города (дело идет о взятии Бендера в походе 1769 года, в котором участвовал и

Пугачев. — П. С.), находя по высокомерию своему, что заслуги его не были довольно награждены, просил увольнения». Пушкин отмечает слова «по высокомерию своему» и пишет на полях: «Вздор, вздор».

Таким образом, становится понятным и первое замечание. Пушкин оставляет за Пугачевым и физическую силу и мужество, но решительно протестует против его якобы честолюбия.

Развивая свое положение, Бибиков пишет: «Дарования при надлежащем воспитании могли бы обратиться к его счастью и сделать его полезным и отличным слугой отечеству; но по распутству матери и беспечности опекуна и дяди способности обратились на венчую пагубу сего несчастного и на всеобщее бедствие»³. Отметив это место, Пушкин резюмирует: «Вздор». Этим самым рушится почва, на которой Броневский строил свое заключение о Пугачеве как о «феномене зла».

Поскольку разговоры о Пугачеве как о чрезвычайном честолюбце являются вздором, постольку таким же вздором является и указание на причины восстания как результат честолюбия Пугачева.

В чем же тогда заключаются причины пугачевского движения? Пушкин отвечает на этот вопрос довольно ясно: «С самого 1762 года... являющие казаки начали жаловаться на различные притеснения, ими претерпеваемые от членов канцелярии, учрежденной в войске правительством: на удержание определенного жалования, самовольные налоги и нарушение старинных прав и обычаев рыбной ловли. Чиновники, посылаемые к ним для рассмотрения их жалоб, не могли или не хотели их удовлетворить. Казаки неоднократно возмущались, и генерал-майоры Потапов и Черепов (первый в 1766 году, а второй в 1767) принуждены были прибегнуть к силе оружия и к ужасу казней»⁴.

¹ Цит. по «Сочинениям и письмам А. С. Пушкина», Т. VII, стр. 561. 1909.

² Там же.

³ «Записки о жизни и службе А. И. Бибикова», стр. 246. СПБ. Морская типография, 1817.

⁴ «Сочинения и письма А. С. Пушкина», Т. VII, стр. 85. 1909.

Другой, не менее важной причиной восстания являлось варварское отношение к «инородцам». О казнях 1740 года в Башкирии Пушкин писал: «Казни, произведенные в Башкирии генералом князем Урусовым, невероятны. Около 130 человек были умерщвлены посреди всевозможных мучений. Иных, пишет Рычков, — растыкали по кольям, других повесили рёбром за крюки, некоторых четвертовали. Остальных, человек до тысячи, простили, отрезав им носы и уши. Многие из сих прощенных должны были быть живы во время Пугачевского бунта»¹.

Это последнее замечание имеет особо важное значение. Оно как бы говорит о том, что «прощенные» не могли остаться в стороне от движения, тем более что отношение к угнетаемым народам не изменилось. Так, Пушкин приводит эпизод, когда кочевые калмыки были вынуждены спасаться бегством в Китай, а казаки, посланные их преследовать, отказались исполнять приказания. Таким образом, Пушкин проводит параллель между положением казаков, угнетенных народов, а впоследствии, как мы увидим, и крестьян. Он упорно подчеркивает, что восстание 1773—1774 года не случайно, что ему предшествовали другие волнения, жестоко, однако, подавляемые.

Больше того: Пушкин понимает, что движение Пугачева имеет определенную закономерную связь с движением Разина.

В записках, относящихся к 1831—1836 годам, он отмечает: «Когда Пугачев сидел на меновом дворе, праздные москвичи между обедом и вечером заезжали на него поглядеть... Однажды сидел он задумавшись. Посетители молча окружили его, ожидая, чтобы он заговорил. Пугачев сказал: «Известно по преданиям, что Петр I, во время персидского похода, услыша, что могила Стеньки Разина находится недалеко, нарочно к ней приехал и велел разметать курган, дабы увидеть хоть кости славного бунтовщика. Вот какова наша слава». Это сказка. Разин никогда не был погребен в краях, где он свиреп-

ствовал. Он был четвертован и сожжен в Москве. Тем не менее сказка замечательна, особенно в устах Пугачева»².

В самую «Историю Пугачева» Пушкин ввел рассказ о матери Степана Разина: «В Озерной старая казачка * каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: «Не ты ли, мое детище? Не ты ли, мой Степушка? Не твои ли черны кудри свежа вода моет?» И, видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп»³.

Само собой понятно, что эпизод этот вымышлен. Мать Разина не могла, конечно, быть свидетельницей восстания Пугачева. Пушкин в данном случае сознательно допускает историческую неточность для того, чтобы провести сквозь цензуру свое мнение.

При чтении рукописи Николай написал, отметив это место: «Лучше выпустить, ибо связи не имеет с делом».

Николай не заметил связи, а связь эта была. Не даром Пушкин не захотел выбросить этот отрывок, а, воспользовавшись тем, что предложение царя не было категорическим, перенес его в примечание.

Пушкин видел непосредственную связь между Разиным и Пугачевым. Поэтому-то он вкладывает в уста Пугачева воспоминание о своем боевом предшественнике и заставляет старуху искать труп Степана Разина среди трупов казненных пугачевцев.

Проанализировав обстановку, предшествующую восстанию Пугачева, Пушкин делает вывод: «Все предвещало новый мятеж. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался»⁴.

В отличие от существовавших идеалистических представлений о роли личности в истории Пушкин приближался к правильному, материалистическому пониманию этого вопроса.

Для него вождь, руководящая личность, появляется как результат требования тех или иных общественных групп и отношений. Эту идею Пуш-

* «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Кн. 11-я, стр. 430. 1930.

² Мать Ст. Разина.

³ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VII, стр. 239. 1909.

⁴ Там же, стр. 88.

1774-1775.

№ 515

ДѢЛО

Суд над Пугачевым и главами
го сообщества, состоявшим нау
чими присяжных и различными
личностями о том.

На № 515 от шестидесяти первых
декабря 1775 года в тридцати
четырех часах - пятьдесят
четыре минуты.

Обложка дела о Пугачеве, над которым ра
ботал Пушкин.

кин проводил и раньше. Вспомним разговор Мариной и Дмитрия в саду у фонтана:

«Марина.

— А если я твой дерзостный обман заранее пред всеми обнаружу?
Самозванец.

— Не мнишь ли ты, что я тебя бо
юсь?

Что более поверят польской деве,
Чем русскому царевичу? — Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельмо
жи —

Не думают о правде слов моих.
Димитрий я, иль нет — что им за
дело?

Но я предлог раздоров и войны.
Им это лишь и нужно, и тебя,
Мятежница! поверь, молчать заста
вят».

Гаврила Пушкин в XXI сцене «Бориса Годунова» говорит Басманову:

«Но знаешь ли, чем сильны мы, Бас
манов?
Не войском, нет, не польскою помо
гой,
А мнением; да! мнением народным.
Димитрия ты помнишь торжество

И мирные его завоеванья,
Когда везде без выстрела ему
Послушные сдавались города,
А воевод упрямых чернь вязала?»

В «Пугачеве» как историческом ис
следовании это подчеркнуто еще ярче.

Однако Пушкин не отрицает и зна
чения личности руководителя. В част
ности, в восстании Пугачева он мно
го внимания уделяет самому Пугачеву,
рассказывает о его администра
тивных мероприятиях и особенно
подчеркивает его военные способ
ности.

Все историки, освещавшие до Пуш
кина с той или иной стороны Пугачеву,
старались в первую очередь упомянуть о его жестокости. Пушкин тоже много говорит о казнях, про
изводимых Пугачевым. Он резко от
рицательно относился к суровым ме
рам Пугачева.

Но характерно, что и в них Пуш
кин подмечает такие черточки, кото
рые до него или совсем упускались из
виду или упорно замалчивались. Он раскрывает перед читателями причины
суровых мер, применяемых Пугачевым.

В крепости Черногорской, пишет
Пушкин, «Пугачев повесил капитана,
по жалобе его крепостной девки»
(«История Пугачева», стр. 100). Вос
ставшие разъезжались по селам, «гра
бя казну и достояние дворян, но не
касаясь крестьянской собственности»
(стр. 110). 29 ноября 1773 года при
казал Пугачев казнить пленного ка
питана Башарина, «...но взятые в плен
солдаты стали за него просить. «Коли
он был до вас добр, сказал самозван
ец, то я его прощаю» (стр. 123).

Эти, на первый взгляд мелкие,
штрихи дают, однако, совершенно
иное представление о личности Пуга
чева чем то, которое существовало
до Пушкина. Ясно, что Пугачев при
менял репрессивные меры не пото
му, что сам был по природе злодеем,
а потому, что этого требовали ин
тересы восстания.

Пушкин отмечает мероприятия, про
веденные Пугачевым: он дал волю кре
стьянам, ввел безденежную раздачу
соли, освободил от подати казаков,
разрешил носить бороды и т. д. Имен
но эти его мероприятия имеет он

В виду, когда в заметках для Николая пишет: «Разбирая меры, предпринятые Пугачевым и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самые надежные и действительные к достижению своей цели»¹. И это замечание, конечно, правильно вскрывало корни симпатии широких трудящихся масс к движению Пугачева.

Пушкин понимал, что сила Пугачева не в нем самом и даже не в его войске, а в огромном сочувствии крестьянских масс. «Не Пугачев важен, важно общее негодование», — цитирует он меткое выражение из письма Бибикова к Фонвизину.

«Весь черный народ был за Пугачева», — пишет он в заметках для царя. Этим и обясняется тот факт, что даже бегство Пугачева «...оказалось нашествием. Никогда успехи его не были ужаснее, никогда мятеж не свирепствовал с такой силой. Возмущение переходило от одной деревни к другой, от провинции к провинции»².

Рассказывая о мероприятиях, проводимых Пугачевым, Пушкин хотел не только правильно отразить исторические события, но и показать правительству и дворянству, что только подобными действиями можно привлечь крестьян на свою сторону. Об этом свидетельствует и черновик письма Пушкина к Бенкendorфу относительно рукописи о Пугачеве:

«Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать, по крайней мере я по совести исполнил долг историка: изыскивал истину с усердием и излагал ее без криводушия, не стараясь льстить ни силе, ни господствующему образу мыслей, и смею надеяться, что сей исторический очерк может показать любви его величества особые пути...»³. Здесь рукопись обрывается. Но есть все основания думать, что «особые пути» — освобождение крестьян, которое только одно может избавить страну от «русского бунта, бессмысличного и беспощадного».

¹ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Кн. 11-я, стр. 426. 1930.

² «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VII, стр. 174. 1909.

³ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VIII, стр. 310 и примечания на стр. 517.

Пушкинская «История Пугачева» была, по существу, оппозиционной по отношению к крепостничеству и самодержавию. Позднее цензура это заметила и запретила «Историю Пугачева» к печати. В 1888 году цензор Ведров сообщал министру просвещения: «Комитет пришел к мысли о необходимости отнять у народа возможность читать в рассказах нашего народного поэта-историка те возмутительные сцены, которые представлены в картинах. Комитет при этом руководствовался мыслью: во-первых, что похождения казака-преступника, хотя изложены с исторической точностью, не могут не подействовать на воображение простого человека, у которого создались разные идеальные образы против правительства; во-вторых, осторожность при издании книг для народа требует от цензуры не давать ей дать в руки простолюдинам и самое издание Пушкина о казаке-возмутителе. В-третьих, оно может быть читано в кабаках и на всех публичных местах и послужить предлогом для разнообразных толков и суждений»⁴.

Пушкинской «Истории Пугачева» боялись, и поэтому ее отняли у народа.

После выхода книги в свет Пушкин не оставил работу над ней. Он собирался исправить ее недостатки, пополнить текст новыми данными и выпустить второе издание. Сахаров за три дня до дуэли был на квартире у Пушкина и записал об этом посещении в дневнике:

«...Пушкин показал мне и дополнения к Пугачеву, собранные им после издания. Пушкин думал переделать и вновь издать своего Пугачева»⁵.

26 января 1835 года вместе с замечаниями к своей книге, на которые я уже не раз ссылался, Пушкин просил «...о высочайшем дозволении прочесть Пугачевское дело, находящееся в Архиве. В свободное время я мог бы из оного составить краткую выписку, если не для печати, то, по крайней

⁴ «Правда» от 9 июня 1936 года.

⁵ Вересаев «Пушкин в жизни». Вып. 4-й, стр. 99.

Дом № 12 по Мойке (Ленинград), в котором жил последние годы Пушкин.

мере, для успокоения исторической моей совести»¹.

Конечно, было бы наивно думать, что Пушкин хотел ограничиться «составлением выписки». Совершенствовать труд, который не увидит свет, вряд ли выгодно. Но обстоятельства были таковы, что прямо нельзя было выражать свои мысли.

После доклада царю Бенкendorf написал на письме: «Государь принял и велел благодарить; позволяет Пушкину читать все дело и просит сделать выписку для государя, дать знать, где следует, должно быть, М. Юстиции»².

Дело о суде над Пугачевым хранилось в секретном отделе Сенатского архива. Для разбора последнего и для выделения из него материалов во второй организуемый Государственный архив еще в 1830 году была создана комиссия в составе министра иностранных дел Нессельроде и министра юстиции Дашкова. 8 запечатанных

¹ «Сочинения и письма А. С. Пушкина», Т. VIII, стр. 354. 1909.

² «Дела III отделения Е. И. В. канцелярии», стр. 147—148. СПБ. 1906.

пакетов с материалами о Пугачеве были переданы в Государственный архив, а оттуда—Пушкину. Пушкин работал над ними в специально отведенной для этого комнате при коллегии иностранных дел. Распечатав и внимательно прочитав документы, он не нашел среди них наиболее интересного и важного — допроса, снятого с Пугачева в Москве. В письме к директору Государственного архива Поленову он писал:

«...государь император изволит мне приказать распечатать дело о Пугачеве для составления исторической выписки. В осмых связках, доставленных мне из С.-Петербургского Сената, не нашел я главнейшего документа: допроса, снятого с самого Пугачева в следственной комиссии, учрежденной в Москве...»³.

По просьбе Пушкина был запрошен Московский главный архив министерства иностранных дел. Директор архива Малиновский 30 сентября 1835 года ответил, что официально в архив пугачевских материалов не поступало, но предшествующие ему директора архивов Миллер и Бантыш-Каменский собрали много материалов о Пугачеве. 6 тетрадей Миллера и 1 дело со многими бумагами о Пугачеве, оставленными Бантыш-Каменским, Малиновский переслал в Государственный архив, а оттуда они были переданы Пушкину для ознакомления.

В ноябре того же года Пушкин сделал еще одну попытку получить неизвестные ему материалы о Пугачеве. Отсылая в военное министерство использованные материалы Петербургского инспекторского архива и его московского отделения, он просил выслать ему дело с письмами генерал-аншефа Бибикова за 1774 год.

Эти письма Пушкин хотел прочесть еще в 1833 году. Ему тогда их не прислали. Не прислали и на второй запрос, ссылаясь на их отсутствие. Так Пушкину и не пришлось ознакомиться с этими документами.

В мае 1836 года Пушкин предпринимает поездку в Москву для работы в архиве. 6 мая он пишет жене: «Вот

³ «Дело о допущении А. С. Пушкина в архивы» № 27, лист 7, VI разряд Государственного архива ГАФКЭ.

уж три дня, как я в Москве, и все еще ничего не сделал. Архива не видал, с книгопродавцами не торговался, всех визитов не отдал...» Прошло пять дней, и Пушкин вновь пишет же-не: «жизнь моя пребеспутная. Дома не сижу — в архиве не роюсь». И, наконец, в письме от 14—16 мая он сообщает: «В архивах я был, и принужден буду опять в них зарыться месяцев на шесть...»¹. Повидимому, здесь он нашел обильные материалы для своих исследований по истории Пугачева и Петра I.

К сожалению, мы не обладаем данными, характеризующими этот период работы Пушкина в архиве. Поиски их чрезвычайно затруднены тем, что фонд делопроизводства Московского главного архива министерства иностранных дел до сих пор не разобран.

* * *

Для создания «Истории Пугачева» Пушкин работал над материалами Петербургского архива инспекторского департамента, московского его отделения, материалами Московского главного архива министерства иностранных дел, Государственного архива, а также над материалами Нижегородского и Оренбургского архивов. Но количество дел, выданных Пушкину, было чрезвычайно незначительно. Правительство сделало все для того, чтобы, допустив Пушкина в архивы, фактически лишить его возможности их использовать. Пушкин из секретных архивов не получал ни одного документа без проверки Блудова, который пропускал к нему только второстепенные документы. Пушкину не показы-

¹ «Сочинения и письма А. С. Пушкина», Т. VIII, стр. 387, 389 и 390. 1909.

вали опись материалов, и он не знал, какой материал имеется и где он хранится. По советам друзей, по своим догадкам Пушкин определял, где должны были храниться эти документы, и, если он угадывал, — ему выдавали второстепенные материалы, в противном же случае отвечали чиновничей отпиской: «Здесь такого материала нет», — не указывая при этом, где он хранится. Так например письма Бибикова за 1774 год хранились в архиве Главного штаба, и в военном министерстве должны были это знать, но Пушкину ответили, что такого материала в архиве нет. На самом деле это была предосторожность. Неофициальные письма Бибикова за самый напряженный период борьбы с Пугачевым могли содержать сообщения, которые нельзя было «доверять» Пушкину.

В Государственном архиве к 1833 году было сосредоточено 114 обширных дел о Пугачеве: из тайной экспедиции, из сената, из следственных комиссий, функционировавших на местах, — а Пушкину выдали только 81. Уже одни эти цифры красноречиво говорят о препонах, которые ставились Пушкину в его работе в архивах. Его постоянно проверяли и ограничивали, опасаясь, что поэт извлечет оттуда компрометирующие самодержавие материалы, которых, кстати, там было достаточно.

Несмотря на это «История Пугачева» Пушкина — чрезвычайно оригинальное исследование, по-новому освещившее многие стороны пугачевского движения. Оно до сих пор не утратило своего историографического значения и представляет один из крупнейших источников изучения общего мировоззрения великого русского поэта.

